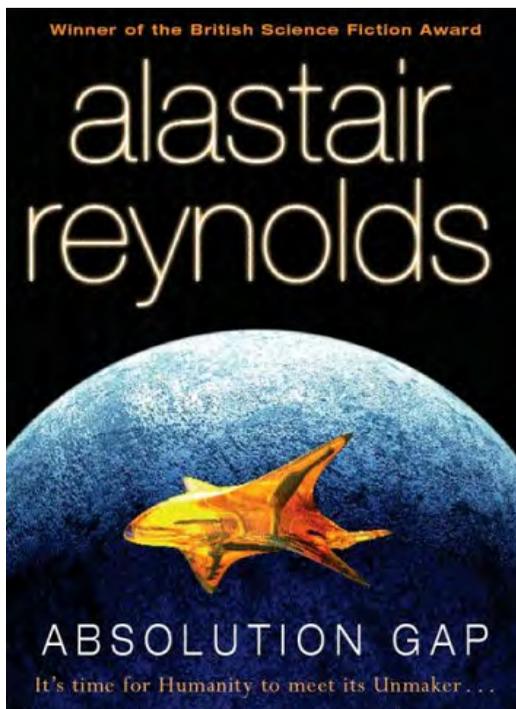

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аластер Рейнольдс

Пропась Искупления

Серия в настоящее время состоит из романов:

Космос Откровения (2000)
Город Бездны (2001)
Ковчег Спасения (2002)
Пропась Искупления (2003)
Префект (2007)

Рассказы, относящиеся к этой серии, составляют сборники:

Алмазные псы, бирюзовые дни (2003)
Север Галактики (2006)

Alastair Reynolds. Absolution Gap. 2003
Перевод - Б. Кадников, О. Колесников

Рейнольдс, Аластер.

Пропась Искупления: роман. — М.: Международный центр фантастики, 2010. — 782 с.

Издание не предназначено для продажи

Подписано в печать 28.06.2010. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 49. Тираж 200 экз. Зак. № .

*Вселенная все больше походит на
гигантский мозг, чем на машину.*

Сэр Джеймс Джинс

Пролог

Она стояла в конце причала и смотрела в небо. В свете луны деревянный настил убегал назад к темному берегу мерцающей серебряно-голубой лентой. Чернильно-черное море тихо плескало об опоры причала. На другой стороны бухты у западного горизонта виднелись мерцающие пятна: области мерцающего пастельно-зеленого света, словно на дно ушел флот галеонов с горящими огнями.

Она была одета (если можно так выразиться) в белое облако механических бабочек. Она приказала бабочкам держаться ближе к ее телу, отчего их крылья сомкнулись вплотную и бабочки образовали на ней подобие брони. Нельзя сказать, что ей было холодно — вечерний бриз, приносивший слабый экзотический аромат далеких островов, был теплым — но под взглядом чего-то гораздо более огромного и древнего она чувствовала себя беззащитной. Если бы она прибыла сюда месяцем раньше, когда на этой планете еще оставались десятки тысяч людей, море вряд ли уделило бы ей столько внимания. Однако теперь на островах не осталось никого, лишь горстка упрямых неторопыг или недавно прибывшие вроде нее. Она была тут новичком — или, лучше сказать, не была тут давным-давно, — и ее химический сигнал пробудил море. Пятна свечения в бухте появились вскоре после ее посадки. Это не было совпадением.

Прошло много времени, но море помнило ее.

— Нужно лететь, — сказал хранитель. Голос донесся от темной массы берега, где он в нетерпении дожидался ее, опираясь на трость. — С тех пор как перестали следить за кольцом, здесь опасно.

Ах да, кольцо: отчетливо видимое, оно рассекало небо, словно тяжкий неповоротливый блок Млечного Пути. Кольцо мерцало блестками и переливалось: бесчисленные каменные глыбы ловили и отражали лучи здешнего солнца. Когда она

прибыла сюда, планетарные власти все еще занимались кольцом: она поминутно замечала розовые вспышки маневровых ракет работяги-«шершня», который исправлял орбиту одного из осколков, не давая ему войти в атмосферу планеты и рухнуть в море метеоритом. Она представляла, как местные загадывают желания, глядя на эти вспышки. Поселенцы были не более суеверны, чем обитатели других планет, где она побывала, просто они понимали слабость и хрупкость своего мира — без этих розовых вспышек будущее может и не наступить. Следить за кольцом и дальше властям ничего не стоило: самопрограммирующиеся «шершни» выполняли эту бессмысленную работу уже четыре сотни лет, с первых дней повторного заселения. Отключение «шершней» было символическим жестом, чтобы ускорить эвакуацию.

Сквозь завесу кольца она видела вторую, дальнюю луну: ту, которая уцелела. О том, что случилось, на планете не знал почти никто. Она знала. Видела своими глазами, хотя и изда- лека.

— Если мы задержимся... — заговорил хранитель.

Она обернулась к берегу.

— Я еще немного постою. Потом мы улетим.

— Боюсь, как бы кто-нибудь не угнал наш корабль. И еще нужно опасаться гнездовальщиков.

Она кивнула, понимая его опасения, но решимость сделать то, зачем она явилась сюда, не исчезла.

— С кораблем ничего не случится. А о гнездовальщиках нечего беспокоиться.

— Мы их очень заинтересовали.

Она отогнала от лица случайную механическую бабочку.

— Они всегда любопытны. Просто суют всюду нос, и все.

— Час, — сказал он. — А затем я оставлю вас здесь.

— Не оставите.

— Есть лишь один способ проверить, верно?

Она улыбнулась, зная, что он не бросит ее. Но у хранителя были основания волноваться: всю дорогу сюда они летели навстречу волне эвакуации. Это походило на попытку плыть против течения: поток бесчисленных встречных кораблей будто пытался сдерживать их. К тому времени, как они достигли орбиты, все транзитные мосты уже были перекрыты: власти запретили пользоваться мостами для спуска на поверхность планеты. Чтобы попасть в капсулу, отправляющуюся на поверхность, пришлось прибегнуть к взяткам и пойти на хитрость. Им удалось найти жилье, внутри которого все — как

сказал ее спутник — пропахло страхом и паникой; позывные людской химии пропитали мебель и стены. Она пораздовалась, что не столь чувствительна к запахам. Она и без того была сильно напугана: гораздо сильнее, чем она могла показать. Страх появился, когда их корабль вошел в систему и гнездовальщики начали следовать за ними. Их причудливый корабль со спиральным корпусом — полный выемок и камер, полупрозрачный — был едва ли не последним кораблем на орбите. Хотели от нее чего-то гнездовальщики или просто наблюдали, она не знала.

Она снова повернулась к морю. Возможно, ей показалось, но светящиеся пятна словно бы увеличились и стали многочисленнее; теперь они напоминали не затонувший флот галеонов, а ушедший под воду город. Казалось, пятна свечения крадутся по морю к дальнему концу причала. Океан уже мог попробовать ее на вкус: между ней и водой сновали микроскопические организмы. Они проникали через поры ее кожи, в кровь, в мозг.

Она задумалась о том, сколько известно океану. Возможно, океан уже чувствует эвакуацию: внезапно пропали сигналы сознаний множества людей. Наверно океану недостает купающихся в нем, проходящих и уходящих, той нейронной информации, которую они ему доставляли. Возможно, океан уже знал, что за кольцом больше не следят: два или три осколка бывшей луны успели рухнуть в воду, пока еще далеко от островов. «Но имеет ли океан представление о том, что тут вскоре произойдет?» — подумала она.

Она отдала бабочкам новый приказ. Группа насекомых отделилась от ее рукавов и собралась перед лицом. Сомкнув крылья, бабочки образовали экран размером с носовой платок со словно оборванными краями, где крылья продолжали трепетать. Экран изменил цвет, стал совершенно прозрачным с фиолетовыми краями. Она подняла голову, вглядываясь сквозь переплетение крыльев в высокое вечернее небо. При помощи особого расчетного эффекта бабочки удалили с экрана изображения кольца и луны. Небо на экране потемнело, темнота сгустилась, звезды загорелись ярче. Она смотрела на одну из звезд, выбрав ее после секундного поиска.

В звезде не было ничего примечательного — просто ближайшая к этой бинарной системе, всего в десятке световых лет отсюда. Однако теперь эта звезда превратилась в метку, в первое знамение неотвратимого. Она была в той системе тридцать лет назад, когда там объявили эвакуацию.

Бабочки сложились по-новому. Изображение увеличилось, поместив в центр выбранную звезду. Звезда разгорелась, потом окрасилась. Теперь она была не чисто белой и даже не бело-голубой, а белой с несомненным оттенком зеленого.

Это было неправильно.

Глава первая

Арабат, Пи Эридана, Система А, 2675 год

Скорпио следил за Васко, молодым человеком, плывущим к берегу. Вся дорогу сюда, он все время думал о том, каково это — тонуть, что ощущаешь, медленно скользя вниз под воду среди темных теней. Говорят, если ты решил умереть и выбор смерти для тебя не имеет значения, то утонуть — не самый плохой способ уйти. Он подумал о том, откуда это может быть известно и насколько применимо к свинам.

Он продолжал думать об этом, пока лодка не остановилась, плавно скользнув на берег, а тогда выключил электронную систему двигателя.

Скорпио опустил в воду шест и удостоверился, что глубина тут не больше полуметра. Прежде он надеялся разыскать один из каналов, по которым можно было подойти ближе к острову, но сойдет и так. Он не договорился с Васко о месте встречи, ему некогда столкнуть катер обратно в море и идти вдоль берега в поисках того, что ему трудно было найти даже при чистой воде и безоблачном небе.

Скорпио прошел к носу и взял уложенный в пластик канат, которым Васко пользовался как подушкой. Обвязав канатом руку, он одним скользящим движением выпрыгнул за борт. Потом с плеском двинулся по мелководу к берегу через бутыльно-зеленую воду, едва доходящую до колен. Сквозь толстую кожу сапог и кожаных штанов в обтяжку он почти не ощущал холода. Пустой катер, после того как он покинул его, начало медленно сносить, и, потянув канат, он выбрал слаbinу и повернул нос на несколько градусов. Потом согнувшись двинулся вперед, буксируя катер. Покатые камни под ногами не давали надежной опоры, и на этот раз его косолапая развалистая походка выручала. Он не оставался до тех пор, пока вода не опустилась до щиколоток, а катер не заскреб днищем по камням. Он сделал еще

двенадцать шагов к берегу, но рисковать и вытаскивать катер дальше не стал.

Он увидел, что Васко добрался до мелководья. Молодой человек уже не плыл, а стоял по пояс в воде.

Скорпио вернулся к лодке, чешуйки ржавчины полетели из-под его ладоней, когда он ухватился за планшир, чтобы подтащить лодку. Лодка прошла свои сто двадцать часов в воде, и скорее всего это было ее последнее плавание. Скорпио перегнулся через борт, достал и бросил в воду маленький якорь. Он мог бы сделать это и раньше, но якорь был так же подвержен ржавлению, как и корпус лодки. Не стоило доверять им, особенно тут, вдали от дома.

Он опять взглянул на Васко. Тот уже брел к лодке, осторожно выбирая дорогу, раскинув руки для равновесия.

Собрав одежду своего спутника, Скорпио убрал ее в свой рюкзак, где уже лежали пайки, питьевая вода и аптечки. Закинув рюкзак за спину, он побрел через воду к близкому берегу, время от времени проверяя, как дела у Васко. Скорпио знал, что суров с парнем и стоит тому разозлиться, как за ним нужен глаз да глаз. С точки зрения Скорпио, тут было о чем беспокоиться. Двадцать три года минуло с тех пор, как Скорпио в последний раз поднял руку на человека, пусть и по долгу службы. Он понимал, что слова тоже могут содержать насилие. Когда-то он бы посмеялся над этим, но теперь пытался жить иначе и надеялся, что другая часть его жизни осталась в прошлом.

Перспектива встречи с Клавейном всколыхнула в нем тревогу и раздражение. Слишком много дурных предчувствий, слишком много переживаний из-за возвращения в пропитанную кровью трясину прошлого. Клавейн знал, кто такой Скорпио. Клавейну в точности было известно, на что Скорпио способен.

Он остановился и подождал, пока молодой человек догонит его.

— Сэр... — Васко задыхался и дрожал.

— Как поплавал?

— Вы были правы, сэр. Вода немного холоднее, чем казалось.

Скорпио сбросил рюкзак со спины.

— Я знал, что вода холодная, но ты хорошо держался. Я забрал твои вещи. Так что оденься и согрейся. Не жалеешь, что отправился со мной?

— Нет, сэр. Ведь это приключение, не так ли?